

Первомай

Давно это было — ещё во времена «дорогого Леонида Ильича». Я тогда в 9-ом классе учился. Весна выдалась спорая да ладная: лёд на реке быстро сошёл, как и снег по всей округе. Зелень первая проклюнулась, а к майским уже и цветение пошло полным ходом.

У одного моего одноклассника Тимохи имелась лодка в личном пользовании — настоящая «Казанка». Отец подарил на шестнадцатилетие. Чтоб сынок, значит, от отца любовь к большой рыбалке перенимал, как говорится, с младых ногтей.

Лодка лодкой, но далеко ли на вёслах уедешь? Стал Тимошка к бате приставать, мол, дай на выходные мотор — с пацанами Первомай отметить в режиме водной феерии. А на бензин де мы сами сбросимся. Тут уж отцу моего одноклассника было не отвертеться: раз сказал «а», подарив «Казанку», говори и «б» — позволь сыну навыки речника проявить: на моторной лодке пронестись с шиком на глазах жителей городка, что у реки в тот момент окажутся.

Короче говоря, сразу после демонстрации трудящихся, где старшеклассники в колоннах нашей средней школы демонстрировали солидарность с мировым пролетариатом, рванули мы на берег. Четверо нас было, как сейчас помню. Тимоха — владелец лодки; отличник Владик в смешных старушечьих очках на резинке — таких, как он, сейчас ботанами называют; деловой и прыливый Мишка — сын директора гастронома и я, разумеется.

Покинули мы порт Гель-Гью, с пол-оборота запустив новенький «Вихрь», ревуший, будто буруны на сороковых широтах. И понеслись. Душа переполнялась восторгом, волна подпевала за бортом, освежая разгорячённые мальчишеские лица мелкими брызгами размером не больше комариного глаза. Вы смотрели когда-нибудь в глаза комару? А брызги ещё меньше — как водяная пудра.

Прошлись на «Казанке» по самому краешку фарватера — как можно ближе к берегу, с удовольствием отыскивая среди фланирующего люда восхищённых девчонок. И не только из нашей школы.

Вскоре набережная оказалась далеко позади, а красавица лодка неслась по местам достаточно пустынным. Судходство на реке, хоть и было официально открыто, но ещё не набрало полную силу.

Но вот впереди показалась махина баржи, на которой по весне в наш город обычно доставляют продукты из области. Она стояла причаленная левым бортом к специальной деревянной площадке с уклоном, по которой к ней подъезжали грузовые авто и становились под погрузку.

Позднее, повзрослев, я понял одну интересную вещь — очень часто наиболее ожидаемые грузы как правило приходят в выходные и праздничные дни. Кому это выгодно? У меня есть ответ, но не стану его озвучивать, давая простор читательской фантазии.

— Консервы и бухало в батин ОРС завозят, — со знанием дела прокричал Мишка, стараясь передавить выю встречному ветру.

Тимоха сбавил скорость, и далее мы двигались медленно и величественно, будто челны Стеньки Разина, выплывающие из-за острова.

Возле баржи сутился народ. Грузчики таскали из трюма картонные коробки и укладывали их на край кузова бортового ЗИЛка с тентом. Машина для удобства была поставлена впритык, задними колёсами упираясь в борт баржи.

Всё шло своим заведённым порядком, но внезапно идиллическая картинка набрала негативную динамику. Кто-то из речников, будучи, вероятно, в приподнятом состоянии по поводу пресветлого пролетарского праздника, плохо затянул кормовую чалку, и та стала давать слабину. Грузовик же потихоньку набирал вес в процессе облегчения содержимого трюма и оказывал всё более сильное давление на незакреплённую часть борта.

В какой-то переломный момент корма баржи стала отваливать от берега, а вслед за ней под уклон съехал задом гружёный ЗИЛок. Незафиксированные в кузове коробки посыпались в воду и, словно кубические лебеди с картины какого-нибудь западного абстракциониста, поплыли по течению, выстраиваясь в красивый пеленг в процессе сплава.

— Винище плывёт. Импортное, — заявил глазастый Мишка.

— Спасать надо, — несмело предложил Владик, смешно правляя резинку на очках.

— Сейчас спасём! — заявил Тимоха, нехорошо хохотнув и поворачивая лодку наперерез бесхозному грузу.

— Быстрее нужно, — успел прокричать я, — а то коробки водой пропитаются — на дно уйдут. Ищи потом...

И вот уже Тимоха красивым противолодочным зигзагом притормозил близ «стаи» намокающей импортной тары. Мы с Мишкой схватили подвернувшуюся коробку за «отвороты воротника» и потащили её из воды. Добычей нам послужил лишь горький опыт и бесформенное влажное нечто без дна. Зато мы узнали, какой же товар завезли в наш ОРС — румынское вино «Мурфатлар».

Первая дюжина бутылок, ушедшая на дно, научила девятиклассников многому. Следующую партию мы уже поднимали на борт, крепко придерживая днище коробки.

— Давай быстрее, пацаны! Сейчас картон раскиснет — хрен потом соберёшь. Шевелись! — Тимоха покраснел от возбуждения и готов был в любую секунду запустить отцовский «Вихрь», чтобы немедленно покинуть место происшествия.

И мы шевелились. Кто веслом, кто багром. «Казанка» наша маневрировала между винными коробками, будто какой-нибудь тральщик посреди минных полей, обезвреживая опасные поплавки с риском растерять экипаж выпавшим за борт.

И наловили мы этим незатейливым образом чёртову дюжину коробок с вином.

А тем временем грузчики, экспедиторы, водитель бестолково мельтешили туда-сюда близ баржи, махали нам с суши руками и что-то кричали в не слишком дружественной транскрипции — видно, примеривая на себя роль спасателей. Я не понимал, отчего взрослые так нервничают. До поры не понимал. А потом дошло.

Оказывается, Тимоха только и ждал окончания спасательной операции — чтобы стремительно ретироваться по-английски. Мы поняли его намерения слишком поздно — когда лодка на полной скорости уносилась в сторону города.

Пристали на противоположном берегу в кустах, после чего Тимофей обратился к нам с пламенной речью:

— Ребята, тринадцать коробок по дюжине бутылок — шикарная пиратская добыча! Офигенно!

— И чего офигенного, — возразил Владик. — Это же всё не наше.

— То есть, как — не наше? — удивился Тимоха. — Мы же не украли ничего. Просто плыли себе коробки, а мы подобрали...

— И что ты предлагаешь сделать с вином? — спросил практичный Мишка. — Продать его нельзя — поймают. Выпить? А прятать от родаков где?

— Да в рощице прикопать, и все дела! — Тимофей никак не мог отойти от азарта ухода от несостоявшейся погони.

— Нет, пацаны, надо возвращать товар, а то нас искать начнут. И наверняка найдут — немного лодок на реке сегодня было, — озвучил я здравую мысль.

— Тоже так считаю, — сказал Вадик. — Только как вернуть-то. Мы же сбежали. Теперь нас не поймут.

И тут сообразительный на генетическом уровне Мишка предложил грамотное решение:

— Сделаем вот что, пацаны. Вернуть товар надо. Это точно. С берега наверняка видели, сколько коробок мы на борт подняли, потому следует столько же и вернуть. Но и нам какой-то трофей за труды полагается. В общем, берём трёхлитровую банку, сливаем в неё вино — по бутылке на нос, а осколки возвращаем в коробку — вроде бой случился... Только пробки внутрь не проталкивать и фольгу с горла не колупать! Понятно?

— Я пить не буду, — заявил Вадик. — Меня отец не поймёт. Мы с ним ещё две задачи должны решить из «Кванта».

— Вот и прекрасно, — продолжил свою мысль Мишка. — Значит, бьём три пузыря, а все коробки вытаскиваем на берег в укромном месте. Ты, Вадька, раз не пьёшь, отправишься в город и позвонишь из автомата в милицию — мол, так и так, обнаружил в зарослях у реки тринадцать коробок с вином. И место назовёшь. Только говори через шарфик и хриплым голосом, чтоб не поняли. И отпечатки за собой сотри, не забудь. Идёт?

— Идёт, — согласился Вадим, неуверенно шмыгая носом, но принимая удар судьбы как должное.

Получается, кричащие нам с места происшествия водитель и экспедитор сумели пробудить комсомольскую совесть? Наверное, да. А сметливый и рассудительный Мишка развеял все сомнения.

Мы подошли к удобному для причаливания месту ниже по течению и стыдливо выставили добычу на песчаной отмели. Не забыв, правда, оставить содержимое трёх длинноносых бутылок в бардачке «Казанки» — трёхлитровую банку вымыли речной водой.

Рыбацкая избушка на левом берегу встретила нас с восторгом. Но для девятиклассника выпить 0,7 литра превосходного полусладкого вина, да ещё без закуски оказалось не таким простым делом, как могло показаться сначала. Поэтому возвращались в город не сразу, а придавив полтора часа здорового юношеского сна. Втроём.

А Вадька тем временем уже отзвонился в милицию из телефона-автомата и, наверное, решал задачки по физике, выполняя свою ежедневную норму.

Домой я зашёл тихо-тихо, стараясь не звякнуть щеколдой, не скрипнуть половицей. Скинул куртку в сених и... был остановлен встревоженным голосом:

— Выпил, что ли, сынок?

— Нет, мама, ты чего... у меня и денег-то нет. Просто устал очень — целый день на лодке гоняли с пацанами.

— Ну-у-... если на лодке. А не знаешь, Виталь, что такое — вроде ж, не жарко, а Никифоровна говорит, мужики весь день купались?

— А где, мам, купались-то?

— А там, где баржа разгружается, знаешь? Чуть ниже... Там и берег-то неудобный. А они — купаться. Не слышал, сынок, чего они?

— Не знаю, мама, не знаю, — ответил я, честно пряча глаза. Откуда ж мне знать, что у мужиков на уме в разгар пролетарского праздника.

Егор

Его звали Егор. Он жил в коробке из-под маминых сапог под диваном. Раньше Тимоха брал его с собой в постель перед сном, но с некоторых пор из Егора посыпалась опилочная труха, и все закончилось.

— Ребёнок не может спать с игрушкой, из которой сыплются, чёрт знает, какие химические реагенты! — говорил возбуждённый папа.

Папа недавно окончил двухнедельные курсы по гражданской обороне с отрывом от производства, и ему всюду чудились реагенты вероятного противника, желающего покуситься на Тимохино счастливое детство. Тимоха так и не понял, что такое учиться с отрывом от производства. Оторвать манжету у рубашки, если нужно перебинтовать палец, это понятно. А вот как оторвать что-то от целого производства? Ведь оно такое большое, на нём трудится сто человек, а, может быть, и целая тысяча! Но папа говорил, что «с отрывом от производства», значит, так оно и было. «Подрасту, пойму», — решил не умничать перед окончанием «детского времени» Тимка... Тем более что нужно узнать, о чём же говорят взрослые, пока он делает вид, будто засыпает.

— Тебя послушать, так ребёнку лучше оловянных солдатиков ничего для игр-то и нет, — это вступала тяжёлая артиллерия в лице мамы. — А ведь мальчику нужен кто-то для души...

— Хорошо, хорошо, — отвечал папа, — а тогда почему ты не зашьёшь этой плюшевой обезьяне руку. Там из подмышки сыплется всякая ерунда, которой ребёнку дышать ни к чему?

— Как же... не зашивала. Да, ты думаешь, что я не видела? Зашивала. И не один раз. Но что ты хочешь, игрушке скоро будет сто лет в обед. Она вся из одних латок уже состоит. Потому и рвётся то и дело.

— Может быть, тогда лучше выбросить и купить что-то новое?

— Нет, нельзя. С Егором ещё моя мама играла. Он помог ей пережить блокаду. Нехорошо получится. Просто запретим Тимофею брать его с собой в постель...

Тимка лежал с закрытыми глазами и всё слышал. Ему представлялась бабушка, выглядевшая маленькой девочкой. Как Танька из подготовительной группы. Было темно, в небе гудели самолёты. Совсем как в фильме «Два бойца», который недавно по телевизору повторяли, не очень поздно, поэтому взрослые досмотреть не дали. Маленькая бабушка держала на коленях Егора, одетого не в обычную матроску, в которой его привык видеть Тима, а в форму офицера. Он будто бы был живой. Егор осторожно гладил своей мягкой рукой девочку по голове и шептал что-то доброе на своём обезьяньем языке.

Ещё немного, и Тимоха начинает понимать, что говорит Егор. Тот шепчет: «Спи, сыночек, спи. Закрывай свои глазки васильковые крепенько. Пусть к тебе сны придут весёлые и красивые... Угомон гулял по земным просторам и к Тимошке нашему в постель забрёл». Тимофею не совсем понятно, почему Егор обращается к нему, а не к маленькой бабушке из далёкого прошлого. Он пытается приподнять голову, но вместо этого засыпает.

Однажды с лица — разве у друзей может быть морда? — Егора оборвалась маленькая бусинка карего глаза и упала под плиту, когда Тимоха пришёл на кухню к завтраку со своим неразлучным товарищем в обнимку. Искали бусинку всей семьёй, даже персидский кот Барс подключился. Искали, но так и не нашли. Потом мама взяла Егора на руки, успокоила Тимоху и открыла свою волшебную шкатулку, где блестели всевозможные иголки, иглопочки и иголищи, переливались всеми цветами радуги нитки, намотанные на деревянные катушки и просто на картонные «плечики». Там же лежали разноцветные пуговицы, булавки с красивыми шарообразными головками и ещё какие-то пряжки с маминых платьев.

— Не переживайте, — сказала мама, — сейчас что-нибудь придумаем. Она долго рассматривала разные пуговицы, что-то шептала себе под нос. Потом хохотнула: «А вот это, пожалуй, будет очень пикантно!» и ушла в спальню. Когда мама вернулась к своим «любимым мужикам», то Тимоха разглядел у неё на руках нового Егора. Один глаз у него оставался тем же, что и прежде — маленькой коричневой бусинкой, приклеенной казеиновым клеем ещё до Большой войны. Зато второй сильно увеличился в размерах, приобрёл синеватый оттенок. Это была пуговица от папиной

форменной аэрофлотовской рубашки, которую мама пришила взамен утраченного обезьяньего глаза. Егор Тимохе теперь нравился даже больше, чем раньше. Закадычный дружок будто подмигивал мальчику своей сощуренной бусинкой левого глаза, широко распахнув новое голубое око навстречу грядущим приключениям.

В разгар лета папа уехал в длительную командировку на какие-то курсы.

— Век живи, век учись, — сказала мама, собирая его в дорогу, — дураком помрёшь.

Папа на дурака похож совсем не был, и Тимохе стало за него чуточку обидно. Вечно мама что-то такое про отца говорит, а он только смеётся или шутит как-то непонятно, по-взрослому, что ли.

Без папы в доме стало немного грустно. И не только Тимофею. Мама тоже по вечерам смотрела в окно и скучала. Это было видно по её печальным глазам. Тогда Тимоха брал Егора и шёл к маме, гладил её обезьяньей рукой, успокаивал. Они обнимались втроём, им становилось тепло и покойно. Так было лучше и веселее ждать папу.

Как-то вечером мама сказала, что ей нужно на три дня съездить к подруге на юбилей в соседний город, просто «кровь из носу», а иначе та её не простит.

— С тобой побудет тётя Надя, Надежда Никаноровна. Она тебя и покормит, и в сад отведёт. Ты не расстраивайся, Тимоха, время пролетит быстро. Я вернусь, а потом уже и папа приедет. Ты у меня совсем взрослый стал, верно? Не будешь огорчаться очень сильно, правда, же? — так говорила мама, складывая в дорожную сумку разные «неотложные» в дороге вещи.

Тимофей кивнул и уткнулся маме в живот. Ему хотелось плакать, но сдержался. Он же не девчонка какая-то. Три то дня потерпит как-нибудь.

Тимка не очень жаловал Надежду Никаноровну за её строгое к нему отношение и называл мысленно Надеждой Макароновной. Макароны Тимоха тоже не любил. Но ему предстояло пережить три нелёгких дня с этой дородной усатой женщиной из соседней квартиры, и он не показывал виду, что огорчён.

Вначале всё было нормально, а вечером второго дня у парня пропал аппетит. Он сидел за столом и лениво ковырял вилкой рыбную котлету, обложенную отварными рожками. Егор пристроился на коленях и сочувственно смотрел на друга своими умными глазами.

— Вот если бы грушу, банан или яблоко на ужин давали. А эти рожки кого угодно с ума сведут... — проворчал «звериным басом» Тимофей, имитирую речь обезьяны.

Макароновна схватила Егора и совсем невежливо отшвырнула в угол.

— Ну, вот что, Тимофей, хватит с игрушкой разговаривать. Ешь уже, а то маме пожалуюсь!

Тимоха едва не задохнулся от подобной несправедливости, адресованной другу. Он схватил Егора и выскочил на улицу, в чём был. Ноги сами несли его в подвал соседнего дома, где старшие ребята обычно играли в войну. Там у них был штаб. Но сейчас лето, почти все школьники разъехались, кто в лагерь, кто на дачу и, стало быть, никто не помешает Тимохе укрыться здесь вместе с другом.

— Как бы извернуться на пупе, чтобы меня здесь до мамино-го приезда не нашли? — подумал вслух Тимофей. Папа говорил так, когда играл с друзьями в карты по субботам. Мама в это время обычно уходила «давать частную практику для неусидчивых детей». Тимоха никак не мог понять, зачем нужно отдавать детям, которые толком не умеют сидеть за партой своё личное время? Он жалел маму, догадываясь, что не от хорошей жизни той приходилось так много трудиться в выходные дни.

Ах, да... папа... Папа играл с друзьями в карты по субботам, а сам почему-то говорил, что сейчас они «распишут пулю». Тимоха изо всех сил выглядывал в приоткрытую дверь в зал, но никогда не мог различить эту самую пулю. Ни на столе (там лежал только листок из тетради в клеточку, разрисованный чудным образом), ни в руках у игроков, ни где бы то ни было ещё... Настоящую пулю Тимохе очень хотелось увидеть. Но каждую субботу отчего-то не везло.

В подвале только сначала было интересно, а потом сделалось немного страшно. Потом ещё страшнее, когда на улице начало

темнеть. И тут случилось чудо: в подвал зашёл совсем не сердитый папа.

— Привет! — сказал он и обнял сына. — Вот приехал на четыре дня раньше. А ты, как я понял, здесь свою волю испытываешь — сильная ли она у тебя, верно?

— Папа, а игрушки умеют думать? — неожиданно спросил Тимоха.

— Не знаю... Не уверен... Если у них есть душа, то, наверное, да...

— А что такое душа?

— Знаешь, сынок, когда не стесняешься любить, и тебе делается радостно и уютно при виде близких людей, то это всё идёт из души.

— У Егора точно есть душа. Я сам видел, пока мама дырочку в боку не зашила. Там что-то кряхтело и пыхтело...

— Выходит, твой Егор умеет думать, — сказал папа.

— Умеет, я сам видел, как он ночью коробочку с лимонными дольками открывал.

Егор слушал этот разговор и незаметно улыбался в полумраке детской, куда папа принёс засыпающего Тимоху.

— Папа, а что такое, «великое знание умножает скорбь»?

— А ты где такое слышал?

— Дядька в кино говорил.

— Ну... это... пора тебе засыпать. Потом расскажу...

«Э-хе-хе, — думал Егор, — папа, папа... Не смог такой азбучной вещи ребёнку объяснить... Так же всё просто. Если, например, знаешь, что тебя накажут за то, что сладкое таскаешь, то скорбишь заранее. И поделаться с этим ничего нельзя. Такая вот философия».

Тимоха спал, а Егор смотрел на мир двумя разными глазами. Одним карим, обезьяним, похожим на бусинку; вторым голубым, человеческим, напоминающим пуговицу от папиной форменной рубахи.

*

Тимоха давно уже взрослый. Все сотрудники фирмы обращаются к нему уважительно на «Вы» и по имени отчеству — Тимофеем Сергеевичем. А в его кабинете на самом видном месте сидит

Егор и мечтает попасть в хорошие руки. Ждать осталось недолго. Недели две, не больше. Егор даже зарубки несколько месяцев делал, случайно подслушав разговор Тимофея с его женой. Зарубки на шкафу — ножиком для резки бумаги. Тем самым, который рассеянная секретарша давным-давно уронила за секретер, а достать поленилась.

Видите, вот там, в углу эти зарубки? Неужели нет? Значит, вы уже взрослый и вам не следовало читать эту историю. Всё равно же не поверили...

Звёздный час

Всем известно, что у людей незаурядных, не говоря уже о гениях, случаются такие моменты в судьбе, когда звёзды сходятся в определённой конфигурации, происходит что-то необъяснимое, и — вот вам, пожалуйста! — совершенно открытие. Неважно чего: новых земель, законов, веществ. Главное, звёздный час пробил.

Но и обычных, ничем не выдающихся индивидуумов Планида иногда осеняет крылом, и происходят с людьми странные события. Иные из них кажутся нам пародией на величественность, иные смешными, а некоторые и вовсе чересчур обиденными. Но, тем не менее, всё это тоже звёздные часы. И вспоминаются они каждым участником событий в самых ярких красках, и снятся ночью, и заставляют понять, что наша жизнь есть не банальное разумное существование белковой материи, но и «просто чёрт знает, что такое!»

Поясню на своём и не только на своём примере.

На всех парах

Самым незабываемым событием в своей жизни считаю экзамен по военной подготовке в Арктическом училище связи. Это был звёздный час. Мой звёздный час. Впрочем, обо всём по порядку.